

ISSN 0548-0027

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

СЕРИЯ 2

Информационные процессы и системы

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЙ РАЗДЕЛ

- Нестеров П. В., Белоногов Г. Г., Кузнецов Б. А. Компьютерная лингвистика в ВИНИТИ 1

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ

- Терещенко С. С. Центры информационного анализа, экспертизы, прогнозирования и коммерческой деятельности: функции, технология, организационная структура, подготовка кадров 4
Ефремов И. А. Адаптивная персональная информационная система и ее применение 17

АВТОМАТИЗАЦИЯ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА

- Падучева Е. В. Отредикатные имена в лексикографическом аспекте 21
Рахилина Е. В. Предметные имена и имена предикатов 29

СПРАВОЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ РАЗДЕЛ

- Марчук Ю. Н. Концепции в современной технологии 32

№ 5
1991

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — П. В. НЕСТЕРОВ

Члены редколлегии: Г. Т. АРТАМОНОВ, Г. Г. БЕЛОНОГОВ, И. А. БОЛОШИН,
И. А. БОЛЬШАКОВ, О. Е. БУРЫЙ-ШМАРЬЯН, А. В. БУТРИМЕНКО, Р. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ,
Б. М. ГЕРАСИМОВ, Р. С. ГИЛЯРЕВСКИЙ (зам. главного редактора), В. А. ГУБАНОВ,
Н. П. ЖУКОВА (ответственный секретарь), Ю. К. ЗУЮС, В. А. КАЛЬМАНСОН,
О. В. КЕДРОВСКИЙ, В. П. ЛЕОНОВ, Ю. Н. МАРЧУК, В. Ф. МЕДВЕДЕВ,
В. К. ПОПОВ, Г. С. ПОСПЕЛОВ, А. Я. РОДИОНОВ, С. С. СВИРИДЕНКО,
В. Р. СЕРОВ, А. А. СТОГНИЙ, А. Д. УРСУЛ, В. А. УСПЕНСКИЙ,
Ю. Ю. УХИН, С. Н. ФЛОRENЦЕВ, А. И. ЧЕРНЫЙ,
Ю. А. ШРЕЙДЕР, М. Г. ЯРОШЕВСКИЙ

Е. В. Рахилина

ПРЕДМЕТНЫЕ ИМЕНА И ИМЕНА ПРЕДИКАТОВ

Обсуждаются некоторые особенности семантико-сintаксического поведения предметной лексики в предложно-падежных конструкциях и, в связи с этим, — способы представления семантической информации о предметном имени в словаре.

В статье затрагивается проблема лексикографического описания значительного пласта лексики, который, тем не менее, редко становится предметом лингвистических исследований. Речь пойдет о предметных лексемах, для которых на сегодняшний день остается открытым даже вопрос о способе их представления в словаре.

Действительно, основа словарного представления глагола — это его валентная структура. С одной стороны, она является своеобразным «каркасом» толкования, т. е. задает схему толкования предиката, а с другой — естественным образом вводит всю необходимую синтаксическую информацию о глаголе, так как валентная структура в конечном счете описывает управление глагольной лексемы и, таким образом, связывает семантику и синтаксис в лексикографическом описании глагола (ср. понятие модели управления, соотношения семантических и синтаксических валентностей предиката и др. в теории «Смысл↔ Текст» [1, 2]).

Что же касается семантического описания предметных имен, то его «каркас» никак не определен — о предметных именах, мы, в сущности, не знаем ничего, кроме того, что они непредикатные и, следовательно, валентностей не имеют. Поэтому описание семантики и синтаксиса сочетаний типа *угол альфа, стаканчик из-под мороженого, болт с гайкой* и др. может вызывать трудности, если считать невозможным присыпать предметным именам какие-либо валентности.

Между тем, достаточно широко (в особенностях, в работах, близких к формально-логическому направлению) распространена точка зрения, согласно которой все предметные имена являются предикатными (см., например, [3] и мн. др.). Следуя этому подходу, мы должны были бы рассматривать не синтаксическое отношение между непредикатными лексемами *угол* и *альфа*, а отношение между предикатом *быть углом* и его аргументом *альфа*. Лингвистически этот путь малопродуктивен прежде всего вот в каком отношении: если считать, что на семантическом уровне представления никак не моделируется разница между предметными и предикатными словами естественного языка, тот каким образом на других уровнях языка возникает противопоставление таких классов лексем, как, например, имена и глаголы?

Кроме того, аргумент не ясно, что такое, вообще говоря, *быть углом*. Валентность здесь вводится как попытка отразить синтаксические связи лексемы и в сущности не имеет отношения к ее семантической структуре — в принципе, формальной логике синтаксическая структура лексемы более интересна, чем семантическая. Таким образом, получается, что это, так сказать, валентности совсем другой природы, чем те, о которых мы привыкли говорить, описывая предикат *рубить* или *пилить*. Безусловно, существенным обстоятельством здесь является то, что в формальной логике (и опирающейся на нее традиции аппарата «формальной» лингвистики) речь идет не о валентности лексемы, которая заполняется лексемой же, а о предикате, места

которого могут быть заполнены термами, т. е. сущностями совершенно другого, не языкового уровня — референтами. Таким образом, эти отношения моделируют только некоторые синтаксические и референциальные свойства предметного имени, но не его лексическую семантику: последняя в этом случае становится заложницей чисто логического подхода, не способного продвинуть ее вперед.

Другой путь решения этой проблемы предопределен некоторыми теоретическими принципами, принимаемыми авторами модели «Смысл↔ Текст». Согласно этой модели некоторые группы имен признаются лексикографически связанными с предикатами. Они реализуют стандартный способ заполнения валентностей этих предикатов. Например, *строитель* = ' тот, кто строит', *строение* = ' то, что построили', так что для предиката *строить* первую его валентность описывает имя *строитель* (S_1 от *строить*), а вторую — *строение* (S_2 от *строить*).

Такой взгляд на отношение между именем и предикатом позволяет моделировать одновременно и семантику, и синтаксис имен типа *строитель* или *строение*. Действительно, как моделировать отношение *строитель* → *города*? Если считать, что строитель — ' тот, кто строит X ', то очевидно, что оставшаяся свободной объектная валентность на X предиката *строить* (*строить что*) «передается» имени S_1 . Отлагольное имя приобретает возможность наследовать какие-то валентности исходного глагола. Следовательно, согласно модели «Смысл↔ Текст» отлагольное имя *строитель* содержит переменные в толковании и имеет валентности благодаря «семантической производности» от предиката (*строить*). Обратим здесь внимание на то, что при этом семантическая структура отлагольного имени отличается от семантической структуры предиката: предикат (например, предикату *строить*) соответствует структура, содержащая в вершине предикат (*строить* = '[некоторым способом] каузировать начать существовать'), а имени — структура, содержащая в вершине терм (*строитель* = ' тот, кто строит').

Если пойти по этому пути, то легко обнаружится, что подобная семантическая производность по отношению к какому-либо предикату свойственна очень большому числу предметных имен. Прежде всего это относится к именам артефактов. В самом деле, всякий артефакт — это некоторое приспособление, устройство, сооружение, предназначенное для использования в каком-то виде человеческой деятельности. Поэтому предикат, описывающий эту деятельность, естественно укладывается в структуру толкования, в целом общую для всех артефактов: *ложка* = 'приспособление для еды, такое что ...'; *кресло* = 'приспособление для сидения, такое что ...'; *зонтик* = 'устройство, предназначенное для предохранения человека от дождя/солнца, такое что ...' и т. д. (Здесь мы, конечно, отвлекаемся от разнообразной информации другого рода, входящей в лексикографическое представление предметного имени, — цвет, размер, материал и мн. др.).

Таким образом, в толкованиях подавляющего большинства предметных имен будут содержаться семантические переменные, унаследованные от тех предикатов, с которыми эти имена оказываются семантически связанными. В этом смысле предметные имена (по крайней мере, очень значительная их часть) являются предикатными. Заметим, что последнее утверждение касается не одних только артефактов. Например, такие имена натуральных классов, как названия культурных растений, очень естественно связывать с предикатами сажать или сеять, а имена плодов этих растений — с предикатом *есть* (ср., например, [4]).

Преимущества подобного описания предметных имен — прежде всего в описании семантики их синтаксиса. Рассмотрим, например, отношение посессивности: в нормальном pragmaticском контексте *моя комната* = 'комната, в которой я (обычно) живу', *мой борщ* = 'борщ, который я сварил' или 'борщ, который я ем'. Конечно, в образовании и интерпретации посессивных конструкций есть свои нетривиальные правила, подробно обсуждать которые здесь было бы нецелесообразно (отчасти об этом см. [5]), но принцип построения этих правил ясен: они опираются на то обстоятельство, что в семантической структуре предметного имени есть предикатная часть и семантические переменные*.

Посессивные отношения — это важнейший тип семантико-синтаксических отношений, свойственных предметным именам. Другой тип таких отношений выражен в предложно-падежных конструкциях типа *кобура от пистолета*, *замок на двери*, *мужчина с газетой* и подобных.

С точки зрения семантики можно различать три типа таких конструкций. Во-первых, конструкции, описывающие отношение *часть/целое* — *стрелки часов* или *угол стола*. Это простые в плане лексикографического описания конструкции. Дело в том, что конституирующей лексикографической информацией о стрелках или угле будет то, что это *часть* некоторого объекта *X*. Таким образом, здесь синтаксическая конструкция описывает постоянное семантическое отношение, лексикографически заданное. Другой тип конструкций — тоже простой с теоретической точки зрения — это разнообразные варианты случайного соположения двух, вообще говоря, не связанных между собой объектов. Так, каждое из сочетаний типа *муха на полу*, *полотенце на стуле*, *береза с рабиной*, *коврик под диваном* описывает свой способ взаиморасположения двух произвольных объектов: в случае *X на Y-е* соприкасаются две рабочие поверхности объектов; в случае *X с Y-м X и Y* находятся близко (рядом), и т. п.

Третий семантический тип предложных конструкций не выражает отношения *часть/целое* и в то же время не обозначает простого соположения двух не связанных друг с другом объектов. Например, сочетание *ботинки со шнурками* интерпретируется обычно как ботинки, в которые вдеть шнурки' (а не как 'ботинки, рядом с которыми шнурки', ср. *ботинки с сапогами*, *vasильки с ромашками*, *береза с рабиной*). То же для сочетания *наволочка на подушке*, которое по преимуществу значит не то, что наволочка лежит на подушке, а то, что наволочка надета на нее. Таких примеров нетривиальной интерпретации предложно-падежных конструкций довольно много. Соответствующие пары лексем: *чашка/блюдце*, *дверь/замок*, *пояс/пальто*,

* Исключения в данном случае подтверждают правило: действительно, в некоторых специальных pragmaticических условиях сочетание, например, *мой велосипед* может интерпретироваться как 'велосипед, на котором я езжу', а, предположим, как 'велосипед, который я чиню' или еще каким-то другим способом. Это означает, что в данной pragmaticически отмеченной ситуации возникает некоторое новое окказиональное pragmaticическое отношение между двумя участниками ситуации, которое оказывается сильнее семантических лексикографических заданных постоянных связей, встроенных в лексему *велосипед*.

ключ/шкаф, *болт/гайка*, *иголка/нитка* и мн. др. — находятся в некоторых отношениях, очень похожих на отношение *часть/целое*. Однако это не отношение *часть/целое* ни с точки зрения денотативной (блюдо — не часть чашки), ни с точки зрения языковой, потому что партитивные отношения в русском языке легко оформляются генитивной конструкцией (ср. *стрелки часов*, *угол стола*, *ручка двери*), а это отношение — никогда (нельзя сказать ни **шнурки ботинок*, ни **блюдце чашки*, ни **наволочка подушки*).

Теоретическая проблема, связанная с описанием последнего типа отношений, может быть сформулирована следующим образом. Есть пары семантически связанных предметных лексем (т. е. таких, которые описывают объекты, являющиеся участниками одной и той же ситуации). При этом некоторые такие пары входят в предложно-падежные конструкции с предлогами *на*, *из* и др., причем последние в этих случаях приобретают нетривиальную семантическую интерпретацию. Те же пары свободно входят в конструкцию с предлогом *от*: *X от Y-а (ключ от шкафа)*. И есть пары семантически связанных лексем другого типа: они если и входят в предложно-падежные конструкции, то только в конструкции с тривиальной интерпретацией*, но никогда — в конструкцию с предлогом *от*.

Ср., с одной стороны, пару *шнурки—ботинки*, образующую нетривиально интерпретируемые сочетания: *ботинки со шнурками*, *шнурки в ботинках*, *ботинки на шнурках*, *шнурки от ботинок* и т. п., и, с другой стороны, пары *молоток—гвоздь*, *коса—трава* с тривиально интерпретируемыми *молоток с гвоздем* (= 'молоток и гвоздь'), *коса на траве* (= 'коса, лежащая сверху травы'), а также запреты типа **гвоздь от молотка*, **коса от травы*, **топор от дерева* и др.

Если при решении данной задачи также исходить из того, что в лексикографическом представлении соответствующих лексем входит предикат (*молоток* — то, чем забивают гвозди, сваи, колья ...; *шнурок* — то, чем зашнурован ботинок, корсет ...), то окажется, что обозначенные два типа предметных имен различаются тем, какого типа это предикат. Если это стативный предикат, то отношение между лексемами может быть описано конструкцией с предлогом *от*, а также другими предложными конструкциями с нетривиальной семантической интерпретацией. Предикаты нестативной, «динамической» природы описывают отношения в парах другого типа. Так, отношения в парах *иголка—нитка*, *чашка—блюдце*, *ботинок—шнурок* описываются стативными предикатами (в конечном счете сводимыми к предикатам пространственной локализации**), а в парах *молоток—гвоздь*, *пол—тряпка*, *коса—трава*, *кисть—потолок* и подобных отношения описываются динамическими предикатами, и это обстоятельство отражается в их языковом поведении.

Итак, толкования многих предметных лексем удобно строить таким образом, чтобы они содержали предикаты, семантически связанные с соответствующей предметной лексемой, и наследовали бы валентности этих предикатов. Это дает возможность описать некоторые семантико-синтаксические свойства предметных лексем. Семантическое же различие между предметной и не-предметной лексикой в таком случае оказывается состоящим не в том, что у предметных лексем нет переменных в толковании, а у предикатных — есть, а в том, что является вершиной толкования — предикат у предикатов, терм у непредикатов.

* Под тривиальной интерпретацией имеется в виду такая, которую приобретает предложная конструкция, содержащая две «случайные», семантически не связанные предметные лексемы.

** Ср. семантически близкое (хотя и не тождественное) стативное отношение 'часть/целое'.

Сказанное, по-видимому, естественно отнести и к семантической структуре отглагольных имен ситуаций (S_0 , в терминологии модели «Смысл \leftrightarrow Текст»), ввиду того, что последние исследования их семантики показали, что между их семантической структурой и структурой инфинитива имеются существенные различия. Одним из способов отразить эту разницу было бы считать вершиной семантического представления S_0 семантические термины типа 'процесс', 'состояние', 'факт' и др. —ср., например, [6, 7], а также статью Е. В. Падучевой в настоящем сборнике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика.—М.: Наука, 1974.

2. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \leftrightarrow Текст».—М.: Наука, 1974.
3. Bach E. Nouns and noun phrases//Universals in Linguistic Theory/Ed. by E. Bach, R. T. Harms and oth.—Chicago, 1968.
4. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis.—Ann Arbor, 1985.
5. Рахилина Е. В. К семантике посессивного отношения в русском языке // Функциональная грамматика русского языка.—В печати.
6. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью.—М.: Наука, 1985.
7. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт.—М.: Наука, 1988.

Материал поступил в редакцию 20.02.91.